



ТЕМА НОМЕРА: ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ XXI ВЕКА

УДК 323.272; DOI 10.26794/2226-7867-2018-7-1-6-9

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Петров Юрий Александрович,

директор Института российской истории РАН, Москва, Россия

dir_iri_ran@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции современной историографии Великой российской революции, в том числе отмечен пересмотр устоявшихся в советский период представлений и трактовок («триумфальное шествие советской власти»). Прослежено, как складывались новые направления и концепты исследования революционной эпохи. Автор рассматривает влияние событий 1917 г. и последующих лет Гражданской войны на все стороны общественной жизни страны, на нарастание экономической разрухи, падение международного престижа и распад Российского государства. Отмечены изменения восприятия революции современным российским обществом.

Ключевые слова: Великая российская революция; Февральская революция; Октябрьская революция; Гражданская война.

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION: PROBLEMS OF HISTORICAL MEMORY

Petrov Yu.A.,

Director of the Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia

dir_iri_ran@mail.ru

Abstract. The main tendencies of the modern historiography of the Great Russian Revolution are considered in the article, including the revision of the ideas and interpretations that were established in the Soviet period (the “triumphal march of Soviet power”). Author traced the formation of new directions and concepts of the study of the revolutionary era, the impact of the events of 1917 and subsequent years of the Civil War in all aspects of public life in the country, the growth of economic collapse, the fall of the country’s international prestige and the disintegration of the Russian state. Changes in the perception of the revolution by contemporary Russian society are noted.

Keywords: The Great Russian Revolution; February revolution; October revolution; Civil war.

Столетие революции закономерно вызвало повышенный интерес к общественно-политическим и социально-экономическим процессам, которые породили социальный взрыв 1917 г. в России, со стороны профессионального сообщества историков и российского общества в целом. В годы Первой мировой войны в воюющих странах на фоне обнищания населения, кризиса прежних властных институтов и ценностей наблюдалась резкая радикализация общест-

венных настроений. Популярными становились идеи социального переустройства мира. Россия оказалась в эпицентре этой эпохи «великих потрясений». Здесь наблюдалось особенно сложное переплетение военных и революционных процессов, обусловивших масштаб, глубину и ожесточенность событий.

Великая российская революция 1917 г. и начавшийся в результате нее «советский эксперимент» по силе воздействия на общемировые процессы

признаны одними из важнейших событий XX в. В свое время Великая французская революция также во многом изменила вектор развития западной цивилизации. Для современного российского общества актуальность истории революции обусловлена, прежде всего, объективно возросшей потребностью осмысления ее как исторически закономерного звена развития России.

В постсоветский период коренным образом изменилось восприятие революции в исторической памяти населения России. Она продолжает оцениваться как одно из решающих событий национальной и мировой истории XX в., но приходит осознание того, что революция и спровоцированная ею Гражданская войны принесли России величайшие бедствия (распад государства, экономический коллапс, громадная потеря населения от военных конфликтов и эпидемий и др.). Изменилась и позиция власти, по инициативе которой день Октябрьской революции (7 ноября) перестал быть государственным праздником. Вместе с тем надо отметить, что современное государство не навязывает профессиональным ученым трактовок и оценок революции, как то было в советский период. Напротив, экспертные заключения науки являются основой для принятия государственных решений в области исторической политики.

Важным достижением научного сообщества стало утверждение представления о революции как о сложном многофакторном процессе, а не одномоментном событии. На современном этапе многие российские и зарубежные ученые приходят к выводу о необходимости трактовки событий 1917–1922 гг. как единой Великой российской революции (The Great Russian Revolution), прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну. Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция оказывается как часть системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием Гражданской войны.

Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в историографии и общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция — локомотив истории») и идеологически, и политически ангажированного негативизма («революция — абсолютное зло»). При этом революционные события в современной исторической

науке рассматриваются в качестве фактора, определившего все стороны политической, социальной, экономической и культурной жизни страны. Об этом, в частности, свидетельствует недавно вышедшая коллективная монография, подготовленная Институтом российской истории РАН [1].

Подчеркнем, что если в советское время отечественная и зарубежные трактовки революции в целом противостояли друг другу, то в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогичного, но единого историографического пространства. В последние годы отечественным и зарубежным исследователям по ряду дискуссионных проблем российских революций удалось преодолеть идеологическое и политическое противостояние, выработать более взвешенные оценки, что, в свою очередь, позволило приступить к реализации ряда крупных исследовательских проектов. Впечатляющим совместным трудом российских и зарубежных ученых стал «Критический словарь Русской революции: 1914–1921» [2].

Следует отметить характерное для современных исследователей стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте. Становится нормой рассматривать проблему в продолжительных хронологических рамках «эпохи великих потрясений» 1914–1921 гг. Кроме того, центр тяжести изучения революции все отчетливее смещается от событий 1917 г. в Петрограде и Москве к анализу революционных процессов в регионах России, в том числе в национальных районах.

Особое внимание уделяется роли Первой мировой войны в нарастании революционных процессов в стране. Как известно, Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала мобилизации людских и финансовых ресурсов, производственных мощностей, а также перестройки системы управления народным хозяйством. Она стала громадным испытанием, которое Россия до 1917 г. в целом выдерживала. Сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18%, тогда как в Германии — свыше 20%, а в Австро-Венгрии — более 30% [3]. То есть военные противники испытали больший, чем Россия, экономический спад. Уровень жизни населения страны в целом снизился, но не критически. Таким образом, экономический фактор нельзя считать достаточным для объяснения, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах — после завершения войны). Во всяком случае, может считаться преодо-

ленным известный ленинский постулат о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России.

В последнее время в российской историографии все чаще ставится вопрос о том, что причины революции надо искать в противоречиях, порожденных стремительным характером модернизации страны, в трудностях перехода от традиционного общества к современному, которые в силу некоторых обстоятельств оказались для России непреодолимыми.

Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени, с так называемым кризисом развития и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом. Рост кризисных явлений не вел фатально к революции, однако действительно создавал предпосылки, реализовавшиеся в силу поражений на фронте, трудностей военного времени, а также противостояния нарождавшегося гражданского общества и авторитарной власти.

Социальное напряжение, усилившееся трудностями военного времени, вылилось в события Февраля 1917 г. Одним из центральных остается в историографии вопрос: были ли события Февраля 1917 г. результатом стихийного народного выступления или заранее подготовленного заговора верхов? Доминирующим в исторической литературе остается признание стихийного характера начала революции. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, терявшей авторитет и даже веру в себя. События того времени вызвали стихию «красной смуты» [4].

Вместе с тем в части историографии постсоветского периода российскую революцию признают результатом действий внешних злокозненных сил. Имеет хождение версия, согласно которой революция якобы не имела серьезных внутренних оснований, а была подготовлена и совершена сначала «безответственными либералами», а затем перехватившими у них власть большевиками на иностранные деньги. Конспирологический подход претендует на новизну, но на самом деле является достаточно архаичным, подменяя осмысление глобальных событий поиском таинственных злодеев. Большинство современных российских и зарубежных исследователей отвергают такой подход, который явно противоречит накопленному исторической наукой массиву данных о событиях

столетней давности. Поэтому важным вопросом современной историографии революции остается проблема исторической памяти, изучение механизмов актуализации образа революции и практики его использования в политических целях.

В изучении Октябрьской революции особое внимание российского общества вызывает вопрос о роли Германии в финансировании политической деятельности большевиков. «Пораженческая» позиция Ленина и его сторонников объективно была выгодна Германии и в условиях продолжающейся войны воспринималась как предательская. Однако Ленин как революционер-интернационалист не был платным агентом Германии, используя помощь военного противника в собственных целях. Революция в России рассматривалась большевиками как фитиль, от которого должен вспыхнуть пожар мировой революции.

Не менее актуально исследование влияния событий 1917 г. на процесс самоопределения бывших национальных окраин и распад Российского государства. Отметим, что до сих пор остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, Закавказье, в Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки большинства постсоветских стран склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста. Напротив, российские ученые изучают революционные события на всем пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности.

После Февраля 1917 г. наметилось расширение требований национальных политических элит, начавших активно выступать за политическую самостоятельность своих регионов. По сути, революция стала главным фактором распада единого Российского государства. В значительной степени тон в национально-сепаратистском движении задавала украинская Центральная рада.

При этом в деятельности национальных организаций так называемых малых народов (особенно у мусульман) преобладали вопросы культурного строительства и местной автономии. Мусульмане ожидали Учредительное собрание, возлагая надежды на новое государственное устройство. После его роспуска стало ясно, что советская власть, вопреки своим официальным заявлениям и лозунгам, нарушила свободу самоопределения народов. Тем не менее, несмотря на то, что разные политические силы пытались радикализировать российских му-

сульман в 1917 г., большинство из них, испытывая сильное влияние религиозных установок, придерживались позиций социального непротивления. При этом мусульмане пытались организовать, чтобы не погибнуть в Гражданской войне, в которую их втягивали противоборствующие силы.

Постепенно в массовых движениях нарастали бунтарские и охлократические тенденции. В этих условиях в октябре 1917 г. большевики смогли захватить власть с помощью радикально настроенных солдат, не желавших участвовать в войне. Опираясь на их поддержку, большевики осуществили разгон Учредительного собрания. Приход большевиков к власти вызвал рост социальной агрессивности — по всей России прокатилась череда продовольственных и пьяных погромов, резко возросло число самосудных акций в городе и деревне.

Важно подчеркнуть, что традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается исследованиями последних лет. Период с осени 1917 до весны 1918 г. стал не столько триумфальным шествием, сколько новым витком политической борьбы, которая пока не перешла в фазу масштабного вооруженного противостояния. Власть на местах устанавливали не столько большевизированные Советы, сколько вооруженные солдатские массы. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России.

Непомерно высокая цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что элиты страны (культурная, политическая) не справились с исторической задачей перевода смыслов традиционного патриархального общества на язык цивилизации

модерна. Жесткие, травмирующие действия пришедших к власти большевиков были этически неприемлемыми для значительной части населения страны, но являлись исторически обусловленными ответами на реальные назревшие вопросы российской действительности.

Великая российская революция 1917 г. на долгие десятилетия предопределила развитие России, да и всего мира. Идеология социалистического мироустройства, под флагом которой большевики пришли к власти в октябре 1917 г., оказала серьезное воздействие на страны Запада, где с 1920-х гг. под влиянием советской России начался переход от классической модели капитализма свободной конкуренции к строительству социального государства. На Востоке события российской революции вызвали мощную волну леворадикальных движений, приведших в ряде стран к установлению советской модели общественного устройства.

В исторической литературе давно утвердилось понятие «долгий XIX век», который, в отличие от астрономического, начался в 1789 г. с Великой французской революции, а завершился с началом Первой мировой войны. Исторический XX в. для человечества оказался, напротив, короче, поскольку его досрочное завершение в 1991 г. было сопряжено с распадом государства, порожденного Великой российской революцией. Связанные с ней узловые проблемы истории России XX в. неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом этапе исследования. Осмысление событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», остается актуальной задачей и для современных историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017.
2. Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / сост. Э. Акстон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014.
3. Маркевич А., Гаррисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России, 1913 по 1928 г. // Журнал экономической истории. 2011. Т. 71. № 3. С. 672–703.
4. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

REFERENCES

1. A critical dictionary of the Russian revolution: 1914–1921 [Rossijskaja revoljucija 1917 goda: vlast', obshhestvo, kul'tura] / ed. Ju.A. Petrov. Moscow, 2017 (In Russ.).
2. A critical dictionary of the Russian revolution: 1914–1921 [Kriticheskij slovar' Russkoj revoljucii: 1914–1921] / sost. Je. Akston, U. Rozenberg, V. Chernjaev. St. Petersburg, 2014 (In Russ.).
3. Markevich A., Garrison M. Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 [Pervaja mirovaja vojna, Grazhdanskaja vojna i vosstanovlenie: nacional'nyj dohod Rossii, 1913 po 1928 g.]. *Zhurnal jekonomicheskoi istorii — The Journal of Economic History*, 2011, vol. 71, no. 3, pp. 672–703 (In Russ.).
4. Buldakov V.P. Red smoot: the Nature and consequences of revolutionary violence [Krasnaja smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija]. Moscow, 2010 (In Russ.).